

does not end. It is not even clear that it progresses. It solves a problem and moves on to solve others. It learns from mistakes. I offer a description of how we proceed when at our best. I offer a naturalized ethics that has little to do with philosophical theory including standard ethical naturalism.

Ричард Вернер¹

Не думаю, что мораль можно определить. Как говорил У.В.О. Куайн, «некритическая семантика представляет собой миф из музея, в котором выставлены значения, а слова являются подписями к ним». Согласно некритической семантике, определения существуют подобно платоновским идеям или аристотелевским сущностям, независимо от их использования. Но, согласно Витгенштейну, нет никаких значений, независимых от их употребления. Хорошо известно, насколько такие слова, как «мораль», «истина», «самость», «физический объект», «причина», «следствие» расплывчаты и двусмысленны в употреблении. К тому же их значение постоянно меняется с развитием языка. Так что всякие попытки закрепить их значение с помощью определения, которое бы задавало необходимые и достаточные условия для их употребления, обречены на неудачу. История попыток аналитической философии определить эти термины со всей очевидностью свидетельствует об этом. Это история контрпримеров, противопоставляемых уточненным определениям, предлагаемым в ответ на контрпримеры, приводимые по поводу уточненных определений, – и конца этому нет. Я не знаю ни одного удачного определения какого-либо важного философского термина, которое достигалось бы в процессе таких новых и новых уточнений. И у меня нет никаких оснований полагать, что на этом пути когда-либо будет возможен успех. Этот метод гарантирует аналитическим философам то, к чему они неосознанно стремятся – бесконечный поток журнальных статей и книг, позволяющих добиваться должностей, закрепляться на них и продвигаться по академической лестнице. Так что я сомневаюсь, что мораль можно определить.

¹ Ричард Вернер – профессор философии Гарвардского института им. Джона Стюарта Кеннеди; ведет курсы по этике, античной философии и прикладной социальной философии. Его исследовательские интересы последнего времени связаны с прикладной философией: проблемами войны, изменения климата, экспериментальной и эволюционной этикой. Он автор статей об этическом реализме, прагматизме, теории справедливой войны и медицинской этике.

Но я допускаю, что ее можно объяснить. Если мы посмотрим на Древнюю Грецию, одна из целей философии была в достижении благой жизни. В ее центре была этика и, в частности, поиск путей человеческого процветания, которое по большому счету считалось неотделимым от добродетели. Древние философы действительно уделяли этике большое внимание. Но с перемещением центра из Афин в Иерусалим акценты изменились. Вдруг место пантеона богов со всеми их человеческими недостатками занял совершенный Бог-законодатель. И вот появляется мораль. Мораль – легалистична, в то время как этика – контекстуальна. Мораль – абсолютна, в то время как этика практична, и, стало быть, подвержена ошибкам. Мораль живет в теории, в то время как этика живет в сообществе. Спор между моралью и этикой продолжается и сегодня под видом спора между кантианством и утилитаризмом, с одной стороны, и этикой добродетели – с другой. Область перемен даже шире.

В то время как древние думали больше всего о пути к благой жизни, наполненной процветанием, философская этика в англоязычном мире представляет собой утонченную игру в слова. Цель каждого игрока в ней – продемонстрировать свой ум (cleverness) и набрать побольше очков в аргументации. Награда – журнальная статья и книга, с помощью которых можно продвинуться в карьере. В то время как философы пишут о честной и благой жизни, они забыли о честности и достоинстве. Мудрость замещена умом. Философская этика – уже больше не призвание, это всего лишь карьера.

Для меня этика говорит о человеческом процветании. Она о том, как вести благой жизнь в сообществе с другими. Этические проблемы – разновидность практических проблем. Так что это проблемы в практическом контексте. Есть много видов этических проблем, поскольку существует много видов практических проблем. Мы сталкиваемся с ними каждый день. И каждый день мы стараемся разрешить их наилучшим образом. Вообще, цель состоит в достижении наилучшего из возможных решений, в определении того, что может рассматриваться как правильное, коль скоро скрыто то, что реально правильно. Было бы хорошо выкинуть представление о реально правильном из нашего словаря. Ведь наши убеждения ошибочны, мы не всегда контролируем наши желания, а принимаемые нами решения полны ошибок и пристрастий. У нас слабая память, и мы плохо представляем свою личную историю. Из-за того, что мы обладаем плохой памятью и не умеем принимать правильные решения, нам не особенно удаются прогнозы. Но что у нас получается, так это замечать, как другие ведутся на собственные иллюзии при том, что мы и сами этому подвержены. Легко видеть соломинку в глазу другого и не замечать при этом бревна в своем

собственном. Так что мы лучше решаем проблемы, лучше разрешаем практические проблемные ситуации, когда мы работаем в группе, члены которой разделяют общие ценности относительно того, что считается оправданным исследованием. Поэтому наука работает лучше, чем политика или философская этика. Научное сообщество – это сообщество, члены которого разделяют ценности относительно того, что является оправданным: теории, исследования, эксперименты, гипотезы, доказательства и выводы. Объем разделяемых убеждений здесь значителен. Имея эти общие ценности, ученые могут обнаруживать друг у друга ошибки и пристрастия. С течением времени плохие гипотезы и теории отсеиваются. Наука основывается на платоновском методе высказывания и проверки гипотез и на общих ценностях и убеждениях в научном сообществе. В США в политике мы просто искажаем взгляды другого и критикуем искажения, с помощью убедительных определений добиваемся контроля за тем, как описываются события и стараемся овладеть если не умами, то хотя бы сердцами населения. В философской этике мы набираем очки с помощью контрпримеров и аргументов. Наука же имеет успех, потому в ней сохраняются общие ценности, политика и философия терпят неудачи из-за отсутствия общих ценностей и успешного метода.

Так что же делать человеку? Я стараюсь вовлечь студентов в этическую беседу с надеждой, что они смогут поймать меня на ошибках и пристрастности, что они смогут научить меня чему-нибудь. В ответ я стараюсь быть полезным для них. Так я преподаю. Поэтому я преподаю.

Как учил Ганди, при разногласиях каждый из нас обладает частицей правды. Если мы можем включиться в разговор и начать действительно слушать друг друга, овладевая диалектикой взаимодействия, честно и открыто, мы сможем найти лучшие истины в том новом большом целом, которое мы создаем. Убежден, что Ганди был прав. Метод этики – собеседование с другими, честное и открытое собеседование, которое оставляет *эго* за дверями и стремится к наилучшему решению имеющихся проблем.

Перед нами проблемная этическая ситуация. Относительно ее возможного решения предлагаются и обсуждаются гипотезы до тех пор, пока не будет достигнут консенсус, который не дает никаких гарантий, но он всегда лучше, чем нескончаемые споры. Но чтобы это работало, необходимо, чтобы кто-то создал сообщество с общими ценностями. К этому мы стремимся в семье, с друзьями, с партнерами. Это нескончаемый процесс. Даже когда в нем достигается какой-то прогресс, его трудно бывает заметить. Процесс течет от решения одной проблемы к другой. Он учится на ошибках. Я предлагаю описание того, как нам

лучше всего с этим разобраться. Я предлагаю натурализованную этику, у которой мало общего с философской теорией, основанной на этическом натурализме.

Перевод с английского Р. Апресяна

О.П. Зубец¹

Мораль явлена человеку наиболее непосредственным образом в том, что, будучи полностью детерминированным (природно, социально, психологически), он тем не менее поступает от своего имени, признает поступок своим, а себя считает его автором. *Мой* – в моральном смысле означает выведение за скобки любой детерминации, в том числе и нормативной. Поступок в оптике морали есть нечто абсолютное, тождественное абсолютности его субъекта. Он ничем не детерминирован, кроме моей субъектности, и я признаю его своим совершенно независимо не только от того, в какой степени он детерминирован или не детерминирован обстоятельствами, но через полное отрицание этой детерминированности. То есть даже если я убил человека, случайно упав на него с крыши, в пространстве морали это будет убийство в полном смысле, и убийство, совершенное именно мной, даже если я и был уподоблен камню. Мораль – и это чутко выразило христианство в остром неприятии гордости – ядро богоподобия человека, поступающего от своего имени, претендующего на творение мира посредством поступка.

Философско-этическое понимание морали (которое есть одновременно и задание ее в культуре) принципиально отличается от того, как она видится в социальной или психологической оптике, в которой поступок не может не быть абсолютно детерминированным. Дело морали – порождение такого пространства, в котором поступок, полностью детерминированный вне этого пространства, является в нем исключительным делом морального субъекта.

Специфика морального взгляда человека на мир заключается в первую очередь в том, что сам этот мир разворачивается как сфера личной индивидуальной ответственности, как «мой мир», который включает в себя всю бесконечность последствий моих поступков. Я принципиально не могу вычлениить в нем отдельную часть,

¹ Ольга Прокофьевна Зубец – кандидат философских наук, старший научный сотрудник Института философии РАН. Автор статей об аристократизме, истории ценностных понятий, ряда статей, посвященных идее единственности и центральности морального субъекта как основе философской этики.